
А.Н. Ведерников

*кандидат юридических наук, докторант кафедры конституционного
и муниципального права Российского государственного торгово-экономического университета*

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СУЩНОСТЬ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Действующая Конституция Российской Федерации проблеме защиты прав и свобод человека и гражданина, и в том числе праву на судебную защиту уделяет значительное внимание. Сущностные моменты правового института защиты прав и свобод человека и гражданина изложены в ст.ст. 45-48 Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: право на защиту в уголовном судопроизводстве.

A. Vedernicov

*Candidate of Sciences (Law), Doctoral Candidate,
Department of Constitutional and Municipal Law, the Russian State Trade and Economic University*

THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE ESSENCE OF THE RIGHT TO DEFENCE IN CRIMINAL PROCEDURE

Every person has the right to defence in criminal procedure and to appeal in court according to the Russian Constitution. The essence of the legal institute of protection of the rights and freedoms of man and citizen is expounded in Articles 45-48 of the Constitution of the Russian Federation.

Key words: constitution, right to defence, guarantees of the right to defence, realization of the right to defence.

Конституция закрепляет государственную гарантию защиты прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 45 Конституции РФ). Это означает, что защита прав и свобод человека и гражданина является важнейшей функцией всех «ветвей власти» и всех органов государственной власти.

Во-вторых, каждому гарантируется (опять-таки – гарантируется) судебная защита его прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ), т.е. защита путем использования и по процедурным, уста-

новленным законом правилам деятельности самостоятельного и независимого органа одной из ветвей государственной власти, – судом.

В-третьих, при рассмотрении любого спора в суде, включая рассмотрение дела о совершении уголовно-наказуемого деяния, каждому человеку гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48 Конституции РФ), в том числе и при невозможности оплаты ее самим субъектом, такая помощь ему будет оказана бесплатно, а точнее,

за счет государства.

Обращает на себя внимание то, что во всех трех случаях конституционный законодатель использует один и тот же термин – гарантирует, т.е. государство само стоит за обеспечением этих прав, выступает гарантом их соблюдения: гарантируется государственная защита прав и свобод; гарантируется ее судебная форма (способ) защиты и гарантируется при этом каждому, в том числе и материально несостоятельному человеку, квалифицированная юридическая помощь. Вырисовываются как бы три ступени, три степени защиты прав и свобод человека: государством в целом, одной из ветвей государственной власти – судом и представителями негосударственного объединения, занимающегося защитой прав личности профессионально – адвокатурой. Это, можно так сказать, внутригосударственные формы защиты прав и свобод человека и гражданина, установленные в Российской Федерации.

Но есть еще и надгосударственные формы защиты прав и свобод человека. Сама Конституция Российской Федерации в ч. III ст. 46 прямо и недвусмысленно предоставляет каждому право обращаться, в соответствии с международными договорами Российской Федерации, в межгосударственные или точнее надгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если до этого уже были исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Говоря иными словами, наше государство на уровне Основного закона разрешает своим гражданам (да и другим лицам, проживающим на его территории) в случае неудовлетворения их претензий по поводу нарушения прав и свобод на внутригосударственном уровне, обратиться в специализированные надгосударственные органы защиты. И, как нам известно по практике обращений в Европейский суд по правам человека, российские граждане весьма широко, возможно даже излишне широко, пользуются этим правом в последние годы.

В ряду условий, призванных гарантировать обеспечение надлежащего уровня законности при рассмотрении любого дела в суде, следует

назвать и закрепленное в Конституции РФ основное правило определения подсудности того или иного дела, или, как иногда называют в литературе – право на определение «своего судьбы». В действительности, правильное определение подсудности дела есть обеспечение правосудия законным составом суда. Согласно ч. I ст. 47 Конституции РФ «никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом». Это означает не что иное, как право человека и гражданина знать заранее, каким судом и в каком составе будет разрешаться его дело, и это не может изменяться судом (судьей) произвольно. Вместе с тем, в ряде случаев «право выбора суда» предоставляется самому заинтересованному человеку. Так, обвиняемый по уголовному делу при совершении наиболее тяжких преступлений имеет право заявить ходатайство о рассмотрении его дела судом присяжных заседателей или коллегией судей-профессионалов. Причем, в любом случае это право выбора самого обвиняемого, что немаловажно с точки зрения соблюдения его прав в уголовном процессе.

На первый взгляд может показаться, что вопрос об определении подсудности дела является сугубо процессуальным, чисто техническим вопросом и вряд ли заслуживающим разрешения его на конституционном уровне. Достаточным было бы его урегулирование нормами отраслевого процессуального законодательства. Однако при внимательном рассмотрении выявляется, что рассматриваемое положение является важной гарантией обеспечения других конституционных принципов судопроизводства, в том числе принципа равенства всех перед законом и судом.

Как известно, судебная власть в Российской Федерации осуществляется посредством нескольких видов судопроизводств: конституционного, гражданского, административного и уголовного (ч. II ст. 118 Конституции РФ). Соответственно видам судопроизводств должны были бы существовать и виды судов или судебных систем¹. Однако в действительности мы не наблюдаем такой жесткой взаимосвязи между этими правовыми явлениями. В то же время наличие

¹ Приходится, однако, констатировать некоторую «нестыковку» между видами судопроизводств, называемыми в нашей Конституции, и действующей в нашей же стране судебной системой. Так, в Конституции названо в качестве самостоятельного вида административное судопроизводство, однако системы административных судов нет, дела об административных правонарушениях рассматриваются в судах общей юрисдикции. В Конституции не называется арбитражное судопроизводство, в то время как действует разветвленная, многоступенчатая система арбитражных судов..

нескольких судебных систем, кроме понятия подсудности дел, т.е. определения того или иного конкретного суда (судьи), который должен рассмотреть то или иное конкретное дело, появляется проблема определения подсудности дел, т.е. определения того, в суде какой судебной системы должно рассматриваться то или иное дело.

Относительно же подсудности дел в процессуальном законодательстве различаются такие ее виды, как территориальная, предметная, субъектная (персональная) и составная².

Но вернемся к вопросам конституционного закрепления права на судебную защиту и права на получение квалифицированной юридической помощи. В первую очередь при этом следует заметить, что Конституция РФ предоставляет каждому право на защиту его прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом (ч. II ст. 45 Конституции РФ). Так, обвиняемый уже при первом его допросе должен быть поставлен в известность о том, что согласно ст. 51 Конституции РФ он не обязан давать какие-либо показания, свидетельствующие против него самого, своего супруга и близких родственников. Этим обвиняемому как бы предоставляется право на молчание во время следствия и суда, во всяком случае относительно обстоятельств его личного участия в совершении преступления. Другое дело, что следователь и судья должны приложить максимальные усилия для того, чтобы «разговорить» данного обвиняемого, разъяснить ему правовые последствия чистосердечного признания или дачи правдивых показаний. Но во всяком случае ему должно быть разъяснено содержание статьи 51 Конституции РФ, и избрание им позиции «фигуры молчания» на период следствия и суда есть один из способов его защиты, не запрещенных законом. Такое поведение обвиняемого будет соответствовать требованиям ч. II ст. 45 Конституции РФ, т.е. являться правомерным и не может влечь за собой принятия каких-либо действий и мер по ухудшению его процессуального или фактического положения.

Конституция Российской Федерации достаточно четко и определенно решает вопрос о

круге субъектов, которые обладают правом на защиту. К их числу она относит: задержанного, заключенного под стражу и обвиняемого в совершении преступления (ч. II ст. 48 Конституции РФ). Заметим, что в отличие от Конституции, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) называет лишь двух субъектов, которым обеспечивается право на защиту: подозреваемого и обвиняемого (ч. I ст. 46 УПК РФ).

При понимании фигуры подозреваемого, содержащемся в ст. 46 УПК РФ, которое включает в себя и субъекта, задержанного при подозрении в совершении преступления, казалось бы, что конституционное и уголовно-процессуальные понятия подозреваемого совпадают. Но это не совсем так. Задержание в процессуальном смысле – это, как правило, одно из первых процессуальных действий, призванное обеспечить установление личности виновного в совершении преступления. Конституционное понимание задержанного жестко связано непосредственно с моментом его фактического задержания и, таким образом, более сдвинуто по времени к моменту совершения преступления. Следует признать, что наиболее полный и конкретизированный перечень субъектов, имеющих право на защиту, в любом случае предпочтителен, поскольку он вносит ясность в понимание момента возникновения права на защиту и способствует пониманию самой сущности этого права. Конкретизированный перечень субъектов, имеющих право на защиту непосредственно в тексте Конституции РФ, свидетельствует о конституционно-правовой значимости этого права в целом и для каждого из названных субъектов в частности³.

Решение вопроса о сущности права на защиту как по его конституционно-правовой значимости, так и процессуальным последствиям, из него вытекающим, можно считать одним из определяющих. Естественно, что конституционно-правовая значимость права на защиту нашла свое закрепление в принципах современного российского уголовного судопроизводства. Непосредственно право на защиту закреплено в ст. 16 УПК РФ. Но кроме констатации самого этого

² Более подробно по этому поводу см. Ведерников Н.Т. Обеспечение правосудия на основе законной подсудности дела // Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации. Изд-во Норма. М., 2005. С. 365-376.

³ Небезынтересным в этой связи будет напомнить, что в свое время в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. № 5 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» указывалось, что «правом на защиту обладают как обвиняемый, так и подозреваемый, подсудимый, осужденный и оправданный» // Бюллетень Верховного Суда СССР.–1978, № 4.С.3.

права как права подозреваемого и обвиняемого, которое может осуществляться ими как лично, так и через защитника и (или) их законного представителя, в названной статье УПК закреплены другие положения, в том числе и те, которые упоминаются в Конституции РФ: о праве пользоваться в предусмотренных законом случаях помощью защитника бесплатно; о возможности защищаться всеми, не запрещенными законом способами, а также об обязанности соответствующих должностных лиц обеспечить в необходимых случаях обязательное участие в деле защитника.

Названные положения, безусловно, важны, но они касаются или отдельных сторон реализации права на защиту, или указывают на аспекты обеспечения этого права, не раскрывая его сущностного смысла.

Обращение к литературным источникам показывает, что в большинстве случаев определения понятия права на защиту формулировались таким образом, когда сущность этого права по сути не раскрывалась, а назывались лишь конкретные формы (способы) реализации данного права.

Так, широко известно мнение В.А. Стрёмовского, согласно которому «право на защиту – это совокупность процессуальных прав, обеспечиваемых обвиняемому для охраны его законных интересов, для ограждения его от необоснованного обвинения, для опровержения предъявленного ему обвинения, для установления невиновности или меньшей виновности обвиняемого»⁴.

Подобное же определение было дано И.Д. Перловым. Он писал: «Под правом обвиняемого на защиту понимают совокупность всех прав, которыми наделен обвиняемый для защиты от предъявляемого ему обвинения, для опровержения (полного или частичного) обвинения или смягчения ответственности»⁵.

В приведенных определениях понятие «право на защиту» определяется через понятие «совокупность прав», что не дает конкретности и полноты в понимании данного правового института, не раскрывает его сущности, поскольку само понятие «право на защиту» по сути остается

не определенным. В перечне конкретных процессуальных прав подозреваемого и обвиняемого, называемых в ст.ст. 46 и 47 УПК РФ, содержится ряд моментов, связанных с правом на защиту, но это скорее конкретные способы реализации данного права, выбор и фактическое применение которых являются субъективным правом подозреваемого и обвиняемого, осуществляющих свою защиту, чем раскрытие его понимания по существу. В то же время верно подчеркнута цель действий по осуществлению права на защиту – опровержение предъявленного обвинения. В зависимости от собственного отношения к обвинению лицо может пытаться опровергнуть версию обвинения или согласиться с ней. Однако возможность данного опровержения обвиняемому должна быть предоставлена непременно во всех случаях.

В свое время М.С. Строгович также писал, что «право обвиняемого на защиту – это совокупность всех процессуальных прав, которые закон предоставляет обвиняемому для защиты от предъявленного ему обвинения»⁶. Позднее он же отметил, что «право обвиняемого на защиту есть основа всех процессуальных прав, предоставляемых законом обвиняемому, интегрированное выражение этих прав»⁷.

Приведенные формулировки дают понимание различия между конкретными процессуальными правами и правом на защиту, однако определение права на защиту как основы всех прав обвиняемого предполагает активное осуществление защиты в виде реализации принадлежащих ему конкретных прав. В то же время обвиняемый может данными правами и не воспользоваться, тогда как свое право на защиту тем не менее реализует. Это можно наблюдать, например, в случае абсолютно пассивного поведения обвиняемого в течение процесса: отказа от дачи показаний, непринесение никаких жалоб, демонстрация безучастного отношения к происходящему и т.п.

В определении, выдвинутом Г.М. Резником и М.М. Славиным отмечается, что «в уголовно-процессуальном законе право на защиту ... раскрывается в виде совокупности конкретных

⁴ Стрёмовский В.А. Предварительное расследование в советском уголовном процессе. – М., 1958. – С. 29.

⁵ Перлов И.Д. Право на защиту: Учебное пособие. – М., 1969. – С. 8.

⁶ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. – М., 1968. – С. 145.

⁷ Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. – М., 1984. – С. 17.

прав, предоставляемых обвиняемому для полного или частичного опровержения обвинения или смягчения ответственности»⁸. Аналогичное определение выдвигал и В.П. Радьков, писавший, что право обвиняемого на защиту следует понимать как «совокупность предоставленных ему законом прав для защиты от предъявленного обвинения и связанных с ним последствий»⁹.

Обращает на себя внимание, что приведенные высказывания не могут быть признаны достаточно корректными определениями и с точки зрения их формально-логической структуры, так как выглядят как суждения типа «право – это совокупность прав». Более верным было бы построение данного выражения следующим образом: «обвиняемый может осуществлять свое право на защиту путем реализации обеспеченных ему законом конкретных процессуальных полномочий, названных в ст. 47 УПК РФ».

Представляется, что при уяснении сущности права на защиту следует подходить к пониманию данного права с более широких позиций. Так, на наш взгляд, право на защиту имеется не только у лица, привлеченного в качестве подозреваемого или обвиняемого (при понимании этих фигур в их процессуальном смысле), а у любого лица, совершившего преступление, которое и возникает уже с этого момента. Момент совершения преступления и момент возникновения права на защиту, таким образом, совпадают, совмещаются по времени и одно порождает другое. Право на защиту в этот момент возникает, но оно еще не реализуется, пребывает в статике, находится как бы в спящем состоянии. Реализовываться же, приобретать динамику оно начинает с момента постановки субъекта, совершившего преступление (или заподозренного в его совершении) в процессуальное положение подозреваемого или обвиняемого. Таким образом, факт совершения преступных действий, факт реальной жизни переходит и становится юридическим фактом. Конкретные же процессуальные формы реализации данное право может иметь лишь с момента начала производства по уголовному делу уполномоченными на то государством органами.

Поясним это положение подробнее. Производство расследования по делу может быть начато с момента обнаружения явных признаков преступления. Однако на этот момент может быть еще не определен даже приблизительный круг лиц, причастных к делу. В это же время, выясняя обстоятельства произошедшего, следователь может допросить, в частности, лицо, которое фактически совершило данное преступление. Но поскольку информации об этом на данный момент явно недостаточно, как правило, такое лицо допрашивается в качестве свидетеля. Будучи фактическим преступником, это лицо, осуществляя свое право на защиту, может умышленно вводить следователя в заблуждение, осознавая, что если впоследствии его вина будет установлена, то в силу своего нового положения (процессуального положения обвиняемого) оно не может быть привлечено к ответственности за дачу ложных показаний. Таким образом, можно предположить, что право на защиту возникает у лица независимо от его процессуального статуса, а в зависимости от факта действительного совершения (или несовершения) им преступления, установление обстоятельств которого начато компетентными органами.

Обоснование возникновения права на защиту с момента фактического совершения лицом преступления связано с пониманием момента возникновения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. В правовой науке сложилось так, что моментом возникновения уголовно-правовых отношений признается момент совершения преступления, а моментом возникновения уголовно-процессуальных отношений – момент предъявления обвинения (вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого)¹⁰. Формально-юридически здесь все правильно, как и с точки зрения функционирования системы судопроизводства. Но с позиций конкретной личности временной разрыв между совершением преступления и возбуждением уголовного дела (предъявлением обвинения) в плане реализации им своего права на защиту – обстоятельство, не имеющее такого большого значения. Поэтому, если стоять на позиции воз-

⁸ Резник Г.М., Славин М.М. Конституционное право на защиту. – М., 1980. – С. 26.

⁹ Советский уголовный процесс: Учебник для вузов. – М., 1980. – С. 80.

¹⁰ См., напр., Алексеев С.С. Общая теория социалистического права, вып. 2. – Свердловск, 1964. – С. 190.

никновения уголовно-правового отношения в момент совершения преступления, то вполне правомерно считать, что в материальном смысле и право на защиту у субъекта, совершившего преступление, возникает в момент совершения преступления.

Да, в процессуальном смысле, согласно общераспространенному в нашей литературе мнению, оно – право на защиту – возникает в другой, более поздний момент, но следует также осознать и признать и тот факт, что всякий конкретный субъект, совершив преступление, тут же начинает думать о своей будущей защите от обвинения, воплощая ее в самых различных действиях – от уничтожения вещественных следов своего участия в совершении преступления до продумывания своей линии поведения на следствии.

Обращаясь вновь к основам теории уголовно-правовых отношений, следует заметить, что, на взгляд большинства ученых, у лица, совершившего преступление, возникает обязанность отвечать за содеянное, причем возникает она именно в силу объективного фактора – совершения преступления, и не зависит от установления его существования¹¹. Какое же право должно респондировать этой обязанности? На наш взгляд, это право на защиту в его материальном смысле.

Поэтому можно считать, что защита есть личностный интерес всякого субъекта, совершившего преступление, а право на защиту возникает у данного субъекта не с момента предъявления ему обвинения, а уже с момента совершения им преступления.

Как известно, в соответствии с законом поводом или основанием для начала производства специфической деятельности уполномоченных государством органов по осуществлению правосудия является получение компетентным органом сведений о совершенном (или якобы совершенном) противоправном и уголовно-наказуемом деянии – преступлении (ч. II ст. 140 УПК РФ). Поскольку данное противоправное действие (бездействие) предполагается совершено каким-либо человеком, членом нашего общества, то знание об этом уже в этот момент формирует у лица, принимающего решение о

начале производства по делу, обвинение в отношении установленного или предполагаемого лица. Можно сказать, что это еще версия, она пока не облечена в конкретную процессуальную форму и потому может быть названа как идеально, но непременно существующее обвинение. При этом и лицо, в отношении которого оно (обвинение) возникает, также зачастую существует на данный момент еще как лицо идеальное, абстрактное. Однако его существование обязательно предполагается, презюмируется. Формируясь первоначально лишь как приблизительный тезис или гипотеза, обвинение в процессе установления обстоятельств преступления конкретизируется и обосновывается.

Применительно к уголовному процессу можно выделить следующие возможные стадии конкретизации и подтверждения обвинения. На стадии возбуждения уголовного дела устанавливаются, как минимум, определенные признаки преступления, однако уже на данной стадии может быть определено и лицо, предполагаемо совершившее данное преступление.

Установленные сведения о наиболее существенных обстоятельствах деяния и лице, его совершившем, следователь (орган дознания) сводит и формулирует воедино в специальном документе – постановлении о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ). Дальнейшая конкретизация данного обвинительного тезиса находит свое отражение в обвинительном заключении (ст.ст. 215, 220 УПК РФ) и, наконец, окончательную форму и статус истинного суждения приобретает в специальном решении суда – приговоре. То есть обвинительный тезис, уточняясь и конкретизируясь, проходит через все стадии уголовного процесса (если он, конечно, верен). В этом смысле обвинение и является движущей силой уголовного процесса¹². Причем под обвинением здесь имеется в виду как обвинительный тезис, выдвинутый против определенного лица государством, так и сама «обвинительная деятельность, функция обвинения, обвинительное направление процессуальной деятельности»¹³.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что обвинение существует на всем протяжении

¹¹ Пионтковский А.А. Правоотношения в уголовном праве. // Правоведение. – 1962. – № 2. – С. 89; Волженкин Б.И. Общественная опасность преступника. // Правоведение. – 1963. – № 3. – С. 96; Мельникова Ю.Б. О понятии сущности уголовно-правовых отношений. // Советское государство и право. – 1970. – № 6. – С. 90-94 и др.

¹² Проблемы судебного права / Под ред. В.М.Савицкого. – М., 1983. – С. 73-78.

¹³ Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. – С. 28.

процесса установления обстоятельств преступления и именно до тех пор и поскольку существует данная обвинительная гипотеза, до тех пор и постольку и развивается, проходя определенные законом стадии, уголовный процесс.

Обвинение является стержнем, сущностью устанавливаемых специфических общественных отношений между субъектом (лицом, предполагаемо совершившим преступление) и государством в лице специальных органов. Эти отношения являются уголовно-правовыми и возникают непосредственно в момент совершения лицом преступления. Можно условно определить основное содержание деятельности двух сторон данного отношения следующим образом. Со стороны государства – стремление доказать совершение расследуемого проступка именно данным субъектом и применить к нему уголовное принуждение, что и есть по существу обвинение. Со стороны же субъекта – избежать данного воздействия или смягчить его, что есть защита, которая возникает в уголовном судопроизводстве «...одновременно с обвинением как его антипод и контртезис»¹⁴. В связи с этим И.Ф. Демидовым обоснованно обвинение и защита в процессуальном смысле рассматриваются как парные категории, отражающие противоречия между двумя крайностями одной сущности. Подчеркивается органичное «единство противоречия» этих двух понятий. Делается важнейший, на наш взгляд, вывод, подтверждающий объективную сущность защиты о том, что «...защита вырастает не из обвинения, а появляется в связи и рядом с ним. В противном случае категорию защиты пришлось бы рассматривать производной от категории обвинения, т.е. понятием меньшего уровня, что было бы принципиальной ошибкой»¹⁵.

Однако вопрос о том, имеет ли право на защиту лицо, законно и обоснованно привлеченное к ответственности, и надо ли его право на защиту обеспечивать такому лицу, не имеет однозначного решения.

Мнение о том, что не всякий, а лишь закон-

ный интерес лица, привлекаемого к уголовной ответственности, подлежит защите, имело определенное распространение. В частности, Р.Д. Рахунов писал: «Конечно, подсудимый, если он даже виноват в совершении того деяния, которое ему инкриминируется, нередко пытается уклониться от судебной ответственности за совершенное им преступление. Но это не тот интерес, который охраняется законом»¹⁶.

П.С. Элькинд считала, что законные интересы – это те, которые не противоречат интересам государства и содействуют им. Законные интересы сводятся к тому, чтобы невиновный человек не был привлечен к ответственности и осужден, а виновный подвергся соразмерному наказанию; незаконные же интересы вступают в противоречие с правосудием¹⁷. М.П. Николаева дополняет данное мнение тем, что на ее взгляд «законный интерес обвиняемого – это не только интерес, который отвечает требованиям закона, но который согласуется также с нравственными нормами»¹⁸. М.С. Строгович выдвигал принципиально иное толкование законных интересов обвиняемого. Он считал, что «законный интерес обвиняемого состоит в том, чтобы при расследовании и судебном разбирательстве его дела были полно, всесторонне и непредвзято собраны и проверены все доказательства, которые свидетельствуют в пользу обвиняемого, оправдывают его или смягчают его ответственность, и чтобы обвиняемому была обеспечена возможность оспаривать обвинение, предоставлять доводы и доказательства в свое оправдание или для смягчения своей ответственности»¹⁹.

Раскрывая содержание законных интересов обвиняемого, И.Д. Перлов утверждал, что они выражаются в том, что «1) обвиняемый не должен быть привлечен к уголовной ответственности и осужден при отсутствии вины в совершении преступления; 2) обвиняемый не должен быть привлечен к уголовной ответственности и осужден по закону о более тяжком преступлении и к нему должен быть применен закон о менее тяжком преступлении; 3) обвиняемый не должен быть под-

¹⁴ Адаменко В.Д. Сущность и предмет защиты обвиняемого. – Томск, – 1983. – С. 62.

¹⁵ Демидов И.Ф. К вопросу о категориях науки советского уголовного процесса // Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства. Сборник научных трудов. – М., 1984. – С. 26.

¹⁶ Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. – М., 1961. – С. 212.

¹⁷ Элькинд П.С. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе // Вопросы защиты по уголовным делам. – Л., 1967. – С.

43.

¹⁸ Николаева М.П. Деятельность защитника на судебном следствии. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1982. – С. 9.

¹⁹ Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. – С. 53.

вергнут несправедливому наказанию, которое не соответствует по своей строгости тяжести преступления и личности обвиняемого; 4) обвиняемый не должен быть ограничен в предоставленном ему законном праве на защиту от предъявленного обвинения»²⁰.

Более верной, на наш взгляд, представляется позиция авторов, отрицающих деление интересов обвиняемого на законные и незаконные. Так, рассматривая данное понятие с точки зрения этимологического толкования, А.Д. Бойков пишет, что «это выражение, бытующее в юридической печати в течение многих лет, никак нельзя признать удачным ... действие презумпции невиновности в уголовном процессе не оставляет сомнений в законности интереса обвиняемого во всех случаях добиваться выяснения обстоятельств, оправдывающих или смягчающих его ответственность»²¹.

Другие авторы дополняют данный тезис аргументацией о невозможности определения критерия для разграничения законных и незаконных интересов обвиняемого²².

В.И. Каминская, кроме того, подчеркивала, что «до тех пор, пока истина по делу не установлена и юридически не закреплена во вступившем в законную силу приговоре суда, спорным, невыясненным, юридически недостоверным остается вопрос о том, законный или незаконный интерес отстаивает гражданин путем использования своих процессуальных прав»²³.

Помимо этого хотелось бы добавить, что

исходя из рассмотренного выше содержания правоотношения индивид-государство, защита от обвинения является функцией, присущей лицу объективно, обоснованно, как ответная реакция вследствие существования обвинения. Законный интерес обвиняемого состоит в любом случае в том, чтобы «его всегда считали невиновным, пока вина не установлена в законном порядке»²⁴.

Необходимо, очевидно, признать, что желание уйти от ответственности, избежать лишений в виде уголовного наказания – это обоснованный личный интерес каждого лица, предположительно совершившего преступление. Законность этого интереса в смысле соответствия формальным установкам законодателя является категорией внешней, оценочной и не может влиять на его сущность. Поэтому следует согласиться с тем, что стремление обвиняемого во всех случаях добиваться выяснения обстоятельств, оправдывающих его или смягчающих его ответственность – стремление законное.

Все вышеизложенное позволяет определить, что в основе права на защиту, то есть его сущностью является обоснованный личный интерес лица, предположительно совершившего преступление, избежать или уменьшить воздействие на него принудительных мер. Право на защиту в материальном смысле возникает у лица, фактически совершившего преступление, с момента его совершения, а у других лиц – с момента выдвижения против них обвинения в любой степени его конкретизации.

²⁰ Перлов И.Д. Укрепление законности и дальнейшее совершенствование защиты по уголовным делам // Советская адвокатура. Задачи и деятельность. – М., 1968. – С. 35.

²¹ Бойков А.Д. Рецензия на книгу «Советский адвокат» // Советская юстиция. – 1968. – № 23. – С. 29.

²² Гольдинер В.Д. Защитительная речь. – М., 1970. – С. 5.

²³ Каминская В.И. Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве // Советское государство и право. – 1968. – № 10. – С. 34.

²⁴ Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. – М., 1979. – С. 147.